

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

н 913-52

136
VII 26
3
ЕНИСЕЙСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Подписка принимается
въ Редакціи.

№ 15.

Цѣна годовому изданію
съ доставкою и пересылкою
ПЯТЬ руб. 50 коп.

1905 года. (22-й годъ). 1-го Августа.

О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й.

1.

Распоряженія Епархіального Начальства.

Послушникъ Красноярскаго Успенскаго монастыря Сергій Коростелевъ, по прошенію, 15 іюля сего года допущень къ исполненію должности псаломщика при церкви села Александровскаго, Ачинскаго уѣзда.

И. д. псаломщика при Сергіевской церкви села Александровскаго, Ачинскаго уѣзда, Павелъ Овчинниковъ, по прошенію, 15 іюля сего года перемѣщень на псаломщическое мѣсто къ церкви села Коростелевскаго, Канскаго уѣзда.

Крестьянскій сынъ Ксенофонтъ Орловъ, по прошенію, 18 іюля сего года опредѣлень и. д. псаломщика при церкви села Шалаевскаго, Канскаго уѣзда.

2.

Отъ Енисейскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

Епархіальный Совѣтъ, на основаніи доклада Ми-

нусинскаго уѣзднаго отдѣленія Епар. Совѣта, журналомъ отъ 2-го іюня за № 55-мъ вошелъ къ Его Преосвященству съ представленіемъ о полезной дѣятельности бывшаго попечителя Бугуртакской церковно-приходской школы, крестьянина села Бугуртакскаго Маркелла Аплѣснина.

Въ своемъ представленіи Епарх. Совѣтъ указывалъ на то, что означенный попечитель семь лѣтъ съ ревностью и усердіемъ выполнялъ свои обязанности по отношенію къ школѣ, побуждая крестьянъ къ исправному взносу денежныхъ средствъ на школу и содѣйствуя дѣлу нравственнаго воспитанія дѣтей.

Его Преосвященство, Преосвященѣйшій Евѣимій, Епископъ Енисейскій и Красноярскій, по поводу сего представленія, на журналѣ Совѣта положилъ слѣдующую резолюцію:

„ 1905 года іюня 9 дня. Бывшему попечителю Бугуртакской церковно-приходской школы Маркеллу Аплѣснину за его попечительскіе взносы и за нравственное содѣйствіе дѣлу просвѣщенія дѣтей въ школѣ—объявлена моя благодарность съ призываніемъ на него благословленія Божія,— о чемъ и напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ отношеніемъ, отъ 30 мая 1905 г. за № 3784-мъ, увѣдомилъ Епархіальный Совѣтъ, что, по ходатайству послѣдняго, отъ 29-го марта 1905 г. за № 672-мъ, Синодальнымъ Совѣтомъ, въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ на постройку школьнаго зданія въ селѣ Дѣтловскомъ Минусинскаго уѣзда, отпущены 2000 р. изъ кредита по §-8 ст. 3 лит. А. смѣты Святѣйшаго Синода 1905 г.

съ тѣмъ, чтобы по окончаніи постройки школьнаго зданія подлинный актъ освидѣтельствованія представленъ былъ въ мѣстную контрольную палату, согласно ст. III утвержденныхъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 7-17 февраля 1903 г. за №-718 „Правилъ расходованія и отчетности въ церковно-школьныхъ кредитахъ.“

Стоимость всѣхъ работъ по постройкѣ исчислена въ 3296 р. Мѣстнымъ обществомъ на означенную постройку пожертвована сумма въ 1280 р. Примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ планъ школьнаго зданія составленъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ.

Во Всѣхсвятской городской двухклассной церковной школѣ успѣшно выдержали въ текущемъ году во 2-мъ классѣ 7 мальчиковъ, въ 1-мъ классѣ—13 мальчиковъ; Барабановской школѣ—1 мальчикъ; въ Коркинской школѣ 1 мальчикъ; въ Куваршинской школѣ 2 мальчика.

3.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. Горбинскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Каменскомъ, Чунскомъ, Кашино-Шиверскомъ, Чалбышевскомъ, Бунбуйскомъ и Дубческомъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. Съдельниковскомъ; Канскаго уѣзда, въ селѣ Ношинскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ селѣ Караульно-Острожекомъ.

Діаконскія:

Минусинскаго уѣзда, въ с. с. Усть-Фыркальскомъ и мѣсто иподіакона при Красноярскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Исаеломитическія:

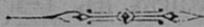
Ачинскаго уѣзда, въ с. с. Покровскомъ. Красноярскаго уѣзда въ селѣ Съдельниковскомъ; при соборѣ Туруханскомъ и при Красноярской тюремной церкви.

4.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Енисейской Духовной Консисторіи.

Въ напечатаной въ № 16 сихъ Вѣдомостей за 1904 годъ табели пожертвованій, поступающихъ въ церковь, вкралась ошибка, а именно: на стран. 440 въ графѣ 8 напечатано, что сборъ въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества долженъ быть представляемъ „по окончаніи *года* благочинному, а . . . . .“, слѣдуетъ же читать: „по окончаніи *сбора* благочинному, а . . . . .“.

Отъ Красноярской Духовной Семинаріи.

Правленіе Духовной Семинаріи симъ объявляетъ, что журнальнымъ опредѣленіемъ семинарскаго правленія, отъ 15 іюля сего года за № 48, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Евоиміемъ, Епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ, резолюціею, отъ 26 іюля за № 2108, постановлено: въ виду дороговизны въ г. Красноярскѣ на все жизненные припасы и матеріалы, по случаю войны съ Японіей, за содержаніе воспитанниковъ въ общежитіи вимать въ 190 ⁵/₆ уч. году такую же плату, какъ и въ минувшемъ 190 ⁴/₅ уч. году, тоестъ съ пансіонеровъ 170 р. и полупансіонеровъ 120 р. въ годъ.

Ректоръ Семинаріи прот. Н. Асташевскій.

ОТ Д Ъ Л Ъ   Н Е О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й .

I.

Изъ дневника сельскаго священника.

Attende ubi, albescit veritas.

Августинъ.

I.

„Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?“ съ горечью въ сердцѣ восклицалъ великій юмористъ, изображая бѣдность, несовершенство нашей жизни, изображая яркими красками всю пустоту, тупость и пошлость русской дѣйствительности и въ тоже время не имѣя силъ, не имѣя возможности выхватить изъ жизни что либо положительное, создать живой образъ могущества и силы русскаго духа. И онъ всегда искалъ этого „мужа, одареннаго божескими доблестями“, трепетно ждалъ, что вотъ-вотъ пройдетъ „чуждая русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мѣрѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія“, — искалъ — и не нашель, ждалъ и — не дождался. Въ страшныя минуты упадка духа и одиночества, когда сердце обливается кровью и тупое отчаяніе охватываетъ все существо, ему, быть можетъ, грезились на яву „выкопанные имъ люди изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства“; со всею ихъ грубостью, пошлостью и тупостью стояли передъ нимъ изображенныя имъ «мертвыя души» и онъ восклицалъ въ душевной тоскѣ:

— „Русь! Моя бѣдная Русь! Это ты! Вся ты тутъ предо мною“!

И неужели это вся Русь? Ужели на Руси и есть только эти Поздревы, Маниловы, Плюшкины, Собакевичи, Чичиковы, Хлестаковы, Коробочки, Оквозники-Дмухановскіе, дамы просто пріятныя

и во всѣхъ отношеніяхъ и прочіе гоголевскіе типы, имъ же имя легионъ? Неужели среди этого хаоса грязи и пошлости не проглянетъ яркій лучъ яснаго солнышка?

Возьмите любую газету, прочтите ихъ сотни и вездѣ, всюду вы встрѣтите одно и то же. Тутъ убили одного, тамъ ранили другого, тамъ—стрѣляли въ третьяго, тамъ цѣлыя сотни людей избиваются другъ друга, вездѣ ужасное, непомѣрное, какое-то дикое озлобленіе, не знающее себѣ предѣла пьянство, развратъ, грабежъ, буйство и дебоширство.

И не гнѣвъ,—нѣтъ, не гнѣвъ, не негодованіе, не безпощадное обличеніе, не грозное слово пророка, гнѣвно бичующаго порокъ и нечистоту нашей жизни хочется сказать въ это время, нѣтъ,—хочется пожалѣть всѣхъ, хочется сказать слово утѣшенія, хочется обнять всѣхъ и выплакать вмѣстѣ всю накопившуюся на душѣ горечь, хочется привѣта и ласки, хочется братской любви!

Русь! Моя бѣдная Русь! Очнись! Встань на ноги! Не ужасайся. Тяжело тебѣ, горько, невыносимо жгуча и остра твоя боль. Дай—я прикоснусь къ твоимъ ранамъ, дай—я обмою ихъ тебѣ чистой, теплой водой, дай—я перевяжу твои раны! Русь! Моя бѣдная Русь! Приди ты въ себя. Оглянись кругомъ. Слышишь ли ты голосъ, обращенный къ тебѣ: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; возьмите иго мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ“? (Матѣ. XI, 28, 29.) Иди къ Нему, изстрадавшаяся душа, излей передъ Нимъ свое горе, Онъ—Милосердъ, Онъ прольетъ цѣлебный бальзамъ на твои раны, Онъ приметъ тебя, какъ принялъ нѣкогда блудницу, пришедшую къ Нему, Онъ возьметъ тебя на свои плечи, какъ заблудшую овцу, Онъ обыметъ тебя, какъ возвратившагося блуднаго сына!

Русь! Моя бѣдная Русь!

II.

Думаю, что такимъ именно, а не какимъ нибудь другимъ

голосомъ должны теперь говорить мы, пастыри церкви. Я неопытенъ еще въ духовной жизни и не могу высказывать свои мысли тономъ, не допускающимъ возраженій, и если кто исправитъ меня въ чемъ либо, то я буду за это глубоко благодаренъ, но мнѣ кажется, что по духу христіанскому, ради любви къ своему брату, которой учить насъ Нашъ Божественный Учитель Христосъ, который Самъ есть любовь, говорить другимъ тономъ, говорить другимъ голосомъ съ падшимъ, измученнымъ, изстрадавшимся братомъ, ищущимъ хоть капельки теплаго чувства къ себѣ, хоть небольшой помощи, поддержки, хоть немного любви, значило бы оттолкнуть его отъ себя, отторгнуть отъ свѣта ученія евангельскаго, оторвать отъ общенія любви Христовой, значить не давать того, что мы приняли отъ Христа и что мы обязаны подавать всѣмъ «алчущимъ и жаждущимъ правды».

Зачѣмъ подливать масла въ огонь? Зачѣмъ растравлять и безъ того наболѣвшія раны? Нужно обмыть ихъ, удалить изъ нихъ вѣками накопившійся гной, нужно сдѣлать спасительную операцію, а не раздражать „грознымъ словомъ обличенья“ и безъ того изстрадавшіяся наболѣвшія души,—не „клеймить пороки смѣло“ словомъ „облитымъ горечью и злостью“, нѣтъ, нужна любвеобильная душа пастыря, нужно милосердное, любовное слово кротости и утѣшенія, нужна горячая любовь къ своимъ братьямъ, заблудившимся, позабывшимъ подъ тяжестью жизненныхъ условий и Бога, и милость, и любовь. Ежедневно, ежеминутно нужно напоминать имъ, что «щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ; не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ“ (Ис. СІ, 8-10.) Пришло время говорить и нельзя теперь молчать.

«Духовенству въ настоящее время молчать не только нельзя но и преступно», пишетъ Кіевскій Митрополитъ на журналѣ собранія Кіевского духовенства 27 февраля. „Непростительно грѣшитъ тотъ пастырь, который сторонится отъ жизни пасомыхъ, не же-

лая быть ихъ учителемъ въ то время, когда они особенно нуждаются въ отеческомъ совѣтѣ, въ духовной помощи, въ наставленіи отца-пастыря. Имѣя въ виду это, убѣдительнѣйше прошу пастырей и словомъ своимъ, и дѣломъ воздѣйствовать на жизнь пасомыхъ, охраняя ее отъ смуты, отъ упадка вѣры въ Бога и любви къ нашей Св. Православной церкви и людямъ. Всѣ средства свои, всѣ силы духовныя и моральныя должны пастыри направить къ этой цѣли. Тогда они дѣйствительно будутъ жить для своихъ пасомыхъ, ради ихъ временнаго и вѣчнаго блага“. («Церковный Вѣстникъ» № 15.)

III.

Среди причинъ, приведшихъ Россію къ тому печальному положенію, въ которомъ она находится въ настоящее время, думаю, не послѣднее мѣсто занимаетъ и молчаніе нашего духовенства, тавольная или невольная спячка, въ какой находилось оно въ продолженіе послѣднихъ вѣковъ. Молчаніе и сонъ въ настоящемъ случаѣ сослужили намъ плохую службу; по причинѣ этого молчанія, по причинѣ этой вѣковой спячки духовенство наше обособилось, выдѣлилось даже въ отдѣльное сословіе, у него оказались свои собственныя, отдѣльныя отъ мірянъ интересы, интересы духовнаго сословія, интересы вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, а не интересы православной Церкви, не интересы христіанскаго духа. Получилась неутѣшительная картина. Пастыри стоятъ въ одной сторонѣ, а пасомые въ другой, и кажется, нѣтъ между ними никакой связи.

Если бы я былъ художникомъ, я бы нарисовалъ такую картину: на небольшомъ полѣ пасется большое стадо овецъ, голодныхъ и тощихъ, все поле уже избито и изрыто ихъ копытами до земли, не видать ни одной травки, нечего ѣсть и пить голоднымъ овцамъ, а тамъ вдали виднѣтся большой лугъ, зеленая, сочная трава такъ и манитъ, такъ и зоветъ къ себѣ голодныхъ овецъ, только некому ихъ вести туда, ихъ пастухъ гдѣ-то далеко отъ

нихъ, подъ зеленымъ кустомъ спитъ непробуднымъ сномъ и не видитъ, и не слышитъ онъ, что давно уже среди овецъ бѣгають волки и расхищаютъ его стадо, и не могутъ овцы никакъ разбудить его своимъ слабымъ, болѣзненнымъ блеяніемъ. Не спорю, конечно, картина эта страдала бы черезъ чуръ мрачнымъ сгущеніемъ красокъ, черезъ-чуръ темнымъ колоритомъ, но идея-то была бы вѣрна. Вѣдь нужно сознаться, что въ настоящее время между пастырями и пасомыми существуютъ какія-то чисто формальныя отношенія. Мирянинъ обращается къ священнику только за тѣмъ, чтобы тотъ совершилъ какую нужно потребу. Священникъ идетъ, сдѣлаетъ, что отъ него требуется, получаетъ за это извѣстную мзду и... дѣло считается конченнымъ. Что это такое: пастырь и пасомый или что нибудь другое? Иной разъ, по ошибкѣ, конечно, пожалуй признаешь въ нихъ и купца съ покупателемъ. Вотъ до чего иной разъ доходитъ наша обособленность отъ мірянъ! И мудрено ли послѣ этого, что прихожане въ своихъ нуждахъ никогда не обращаются за совѣтомъ и наставленіемъ къ своему пастырю? Мудрено ли послѣ этого, что мы, пастыри, прозѣвали даже такое событіе, какъ безпорядки рабочихъ во многихъ городахъ Россіи. Вѣдь если бы между пастырями и пасомыми отношенія были такими же, какими они были въ первыя времена христіанства, ужели бы рабочіе не обратились къ своему пастырю за совѣтомъ и наставленіемъ, ужели бы они стали слушать и поступать такъ, какъ говорятъ имъ ихъ самозванные учителя и радѣтели, хотя бы и на словахъ, о ихъ благѣ, ужели бы они, слушая ихъ рѣчи, такъ бы и пошли за ними, не спросивъ у своего пастыря — отца?

Думаю, что нѣтъ.

«Но... что же теперъ? — пишетъ авторъ статьи «Причины печальныхъ событій» — молчать ли? Да не отъ молчанія ли неопределенныя жертвы? Слишкомъ тяжелы онѣ, слишкомъ грозенъ урокъ чтобы продолжать молчать». („Церк. Вѣстн.“ № 3.) Нѣтъ, нужно живое, любвеобильное пастырское слово, нуженъ горячій призывъ къ Богу, къ истинѣ, къ свѣту! Пора опомниться! Ужели еще не

достаточно тѣхъ горькихъ уроковъ, которые выпали на долю нашей родины?

Пора проснуться! Пора поднять отяжелѣвшія, разболѣвшіяся отъ сна головы, пора умыться чистой, холодной водой. Пора прислушаться ко всему, что дѣлается кругомъ! Пора обо всемъ сказать свое слово! Пора вспомнить Апостольское: „всѣмъ быхъ вся“! (I Кор. IX, 22.) Пора учить и наставлять!

Но и среди православнаго русскаго духовенства, какъ мы сейчасъ увидимъ, не всѣ „спящіе“, есть и бодрствующіе,—есть и „живыя души“. Вотъ они.

Въ газетѣ «Русское Слово» помѣщены корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій извѣстнаго писателя В. И. Немировича-Данченко, въ которыхъ говорится о геройскихъ подвигахъ нашихъ русскихъ, православныхъ священниковъ тамъ, гдѣ стономъ стонопть земля, гдѣ сотни тысячъ людей уничтожаютъ другъ друга страшными смертоносными орудіями—продуктъ „христіанской“ цивилизаціи образованнѣйшихъ изъ народовъ земли. Съ крестомъ въ рукѣ, съ горячей любовью въ сердцѣ къ измученному походной жизнью, израненному въ дни военной непогоды меньшому брату, безтрепетно смотря прямо смерти въ глаза, идутъ они просто и незамѣтно на великій подвигъ любви христіанской, утѣшая въ предсмертной тоскѣ умирающихъ воиновъ. Эти подвижники, эти „человѣки на войнѣ“, какъ называетъ ихъ Немировичъ-Данченко, своими незамѣтными, но великими дѣлами не даютъ окончательно пасть мятущемуся духу, не даютъ унынію овладѣть душой. Если есть еще на Руси такіе подвижники, эти незамѣтные богоносцы, то еще не совсѣмъ извѣрилась эпа, не совсѣмъ еще забыла Бога, не совсѣмъ еще уснула, не „навѣки почила“, есть еще надежда, что разбудятъ ее эти праведники, что есть еще сильныя, крѣпкіе, здоровые зародыши жизни, а не выродки нашего нервнаго вѣка.

Имена священниковъ Курлова, Милованова, о. Георгія (Шавельскаго) и о. Евферія Макаренко долго будетъ помнитъ Св. Русь.

не та Русь, городская, одѣтая по послѣдней модѣ—у этой Руси память коротка, но Русь—сѣрая, простая, деревенская Русь, полуграмотная, одѣтая въ зипунъ и армякъ. Измученный, израненный, брошенный на дорогѣ среди грязи и крови, оставленный всѣми своими подъ дождемъ картечи и шрапнели, полунагой, голодный солдатъ, подобранный о. Евферіемъ Макаренко, выхваченный такъ сказать, изъ подъ самага носа у непріятеля, отогрѣтый, одѣтый, накормленный имъ, согрѣтый и утѣшенный его ласковымъ словомъ, да онъ всегда и вездѣ будетъ благодарить его, съ благодарностью, со слезами умиленія будетъ вспоминать о немъ, всѣмъ будетъ рассказывать о „святомъ батюшкѣ“, и пойдутъ о немъ рассказывать по Св. Руси, и пронесутся о немъ отъ края до края легенды и сказанія и долго-долго не забудетъ ихъ благодарная сѣрая Русь.

„Какой ты отецъ“? говоритъ ему (о. Макаренко) одинъ солдатъ.—Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣть“... („Русск. Сл.“ № 93.)

Вотъ онъ—незамѣтный, но великій подвижникъ! „Я думаю, пишетъ Немировичъ-Данченко, такихъ мимо васъ, въ странствіяхъ по глухимъ пустынямъ и закоулкамъ, проходитъ много, и никогда они на себѣ вашего взгляда не останавливаютъ“... Но—„не стало его, и вся машина чуть не остановилась... Кажется, никогда не высовывались, никакой роли не играли. Всѣ думали, что они значенія не имѣютъ,—и вдругъ, оказалось, всѣмъ пужны до зарѣзу, никакъ не обойтись безъ нихъ, и вездѣ, то и дѣло, запутывается все, и люди не знаютъ, куда имъ руки приложить“ (ibid.).

„Онъ былъ не отдѣлимъ отъ своей церкви, (которую онъ самъ и устроилъ съ своими прихожанами въ одномъ изъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда); гдѣ видѣли о. Евферія, —тамъ непременно оказывалась и она... А такъ какъ Макаренко, кромѣ передовыхъ позицій, другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался. Гдѣ люди падали подъ

предательскими пулями, кровью исходили отъ устали, и умирали сотнями и тысячами, — тамъ же, въ самомъ пеклѣ, какъ часовой на своемъ мѣстѣ, непремѣнно пребывалъ и о. Евферій. Замолкнетъ бой, — онъ начинаетъ свою службу, какъ священникъ, предъ алтаремъ. Начнется, — онъ идетъ въ цѣпь, какъ санитаръ, фельдшеръ и иной разъ какъ докторъ... Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, — онъ самъ, непрошенный и незванный, шелъ на нее и не успокаивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣсть, не допеть, — а непремѣнно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставляетъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропадалъ въ немъ... По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными, — послѣ цѣлаго дня возни съ такими же о. Евферій тутъ какъ тутъ“... («Руск. Сл.» № 63.)

Но не могу позволить себѣ дѣлать слишкомъ много выписокъ, очень много заняли бы они мѣста; ограничусь немногими.

„Онъ (о. Миловановъ) — и носильщикъ, и санитаръ, и фельдшеръ, и докторъ. Только его и увидишь на страдѣ. Надѣнетъ бѣлый халатъ, и кончено. И пищу раздастъ, и поитъ, и разговариваетъ. Въ вагонахъ съ опасными ранеными проводитъ цѣлыя ночи. Не даетъ бѣднякамъ духомъ падать. Его и звать къ нимъ не приходится, — точно угадываетъ, что онъ нуженъ. Случается, цѣлыми часами у одной и той же постели проводилъ безотходно. Фельдшеръ, сестра заморятся, заснутъ, — только не онъ. У такихъ, — я не знаю, во взглядѣ или въ голосѣ, — есть нѣчто завоевывающее чужую душу. Какими-то невидимыми тонами сердца привязываетъ къ себѣ другое. Самыя обыденныя, я бы сказалъ — банальныя, утѣшенія наполняютъ обреченнаго чувствомъ надежды, вѣрую во что-то великое, счастливое, безконечное, и, вмѣсто того, чтобы съ отчаяніемъ цѣпляться за отходящую жизнь, — умирающій, улыбаясь, встрѣчаетъ послѣднія минуты, даже не зная безжалостнаго приговора глухой случайности“ („Русск. Сл.“ № 90.)

Двѣнадцать послушниковъ прѣѣхало съ Аэона санитарями. Здоровые, сильные, молодець къ молодцу. На работу они накинулись, словно „жаждущій елень на источники водные“. Кажется, не было для нихъ усталы и измору. Впервые за все время своего монастырскаго затворничества нашли себѣ настоящее, живое дѣло, по сердцу, такое, на которое душу отдай, и то мало. Въ сплошномъ огнѣ подымали раненыхъ, смѣшно отмахивались отъ пуль заскоруждыми лавицами, точно отъ шмелей; отстань-де, поганая, надоѣла, видишь, тутъ работа не ждетъ, не нуди. Съ ними не могли, разумѣется, сравняться такіе же, посланные сюда „Краснымъ Крестомъ“.

Въ Иверской общинѣ былъ монахъ-молчальникъ. Работалъ онъ изумительно, но при этомъ никому ни слова. И только когда привозили буйнаго помѣшаннаго или тяжело раненаго, умирающаго, „уста у него отверзались“. Онъ, не боясь сумасшедшаго, отсылалъ прочь сторожей и санитаровъ, садился къ нему на кровать или рядомъ и говорилъ съ нимъ такъ, что не было случая, въ которомъ больной не отходилъ бы и не успокаивался подъ впечатлѣніемъ этой ласки, этого душевнаго тепла. Съ умирающими онъ оставался дни и ночи, пока смерть-освободительница не смыкала мученикамъ воспаленныя глаза. Благословивъ трупъ, монахъ опять смолкалъ, и строгій, задумчивый, безъ словъ дѣлалъ свою невидимую, утомительную работу. Окружавшіе удивлялись, что дѣлалось съ „бѣсноватыми“. Движенія ихъ становилось меньше рѣзкими, лица—болѣе осмысленными. Вопившіе благимъ матомъ, они начинали прислушиваться къ тихой, ласковой рѣчи. А часа черезъ два входившій заставалъ ихъ разумно бесѣдовавшими съ монахомъ. („Руск. Сл.“ № 92.)

Они незамѣтны, эти великіе подвижники христіанской любви тамъ, гдѣ всѣ, точно звѣри, стараются уничтожить другъ друга, ихъ никто не видитъ, „точно они всѣ до тла расходятся въ самомъ дѣлѣ, пропадаютъ въ немъ“, но они несутъ громаднѣйшій трудъ. Они высоко держатъ свѣтильникъ вѣры и любви, у нихъ, какъ у

мудрыхъ дѣвъ въ причтѣ евангельской, много запасено едея, и дай Богъ, чтобы побольше было этихъ подвижниковъ на нивѣ Господней. „Итакъ молитесь Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою“. (Матѣ. IX, 38.).

Съ такими подвижниками будетъ долго еще сильна и крѣпка наша Русь. Они свѣтятъ, какъ яркія звѣзды, на темномъ, задернутомъ тучами, горизонтѣ и пусть они будутъ намъ, пастырямъ, путеводными звѣздами и въ нашей пастырской дѣятельности.

Свящ. I. Благодатовъ.

С. Устьянское.

5 іюля 1905 г.

2.

О религіозномъ обученіи и воспитаніи дѣтей въ русскихъ школахъ.

«Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе.

Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, чего не узнали бы.

Говорю же вамъ, друзьямъ моимъ: не бойтесь убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать.

Но скажу вамъ, кого бояться: бойтесь того, кто, по убіеніи, можетъ свергнуть въ геенну»
(Лук. XII. I. 2, 4, 5).

Долгъ христіанина: изъ-за страховъ человѣческихъ, изъ ожиданія поощренія, изъ выгоды или чего-либо иного — отнюдь не измѣнять истинѣ, правдѣ и долгу христіанскому, — шепотомъ, на ухо, тайкомъ говоря и дѣлая одно, а въ глазахъ, открыто — другое: путь христіанина — правда, искренность, а не фарисейское лицемѣріе.

А если пострадаешь за то? А если убьютъ?

„Потому любить Меня Отець, что Я отдаю жизнь Мою, что-

бы опять принять ее“ (Иоан. X. 17). Нужно имѣть твердое безусловное знаніе своего истиннаго долга и затѣмъ—готовность на всякій часъ умереть или, наоборотъ, принять жизнь, если Провидѣнію, безъ воли Котораго не упадетъ и волосъ съ головы (Лук. X, 7), угодно будетъ сохранить ее намъ среди бѣдствій и опасностей смертныхъ.

Эти начала—для насъ высочайшее достояніе.

Если же они такъ дороги для насъ, то не такова же ли ихъ цѣнность и для дѣтей нашихъ? И потому—не первая ли наша обязанность—заботиться о воспитаніи дѣтей нашихъ на этихъ высокихъ началахъ?

Какою же, поэтому, нецѣлостью звучать для насъ п. п. 6 и 10 петицій собранія Общества вспомошествованія учащимъ и учившимъ Енисейской губерніи, прочитанной нами въ № 89 „Восточнаго Обозрѣнія“ за текущій годъ.

Пунк. 6: „Религіозное воспитаніе и наблюденіе за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ должно быть предоставлено исключительно родителям“.

Значить, я буду цѣною жизни моей отстаивать государство отъ врага внѣшняго, я буду нести массу другихъ обязанностей по отношеніи къ государству, съ меня будетъ взыскивать государство прямые и косвенные налоги, а государство это не побезпокоится объ удовлетвореніи самыхъ насущнѣйшихъ моихъ потребностей. Есть ли тутъ правда и смыслъ?

А люди бѣдные, тяжелымъ трудомъ едва снискивающіе себѣ пропитаніе и необладающіе необходимыми познаніями своей религіи, какимъ путемъ должны будутъ давать своимъ дѣтямъ религіозное образованіе? Оставить безъ всякихъ понятій о религіи?

Или устраивать особыя школы для преподаванія религіи? На чей же счетъ? И въ какіе часы дѣти будутъ заниматься Закономъ Божіимъ въ этихъ школахъ? Не тогда ли, когда совершенно утомятся въ государственныхъ школахъ? А какъ еще тамъ

дадутъ и домашнія работы? И чему же въ этихъ государственныхъ школахъ столь великому будутъ обучать нашихъ дѣтей, изъ-за чего дѣти наши должны будутъ оставаться безъ знанія христіанскихъ обязанностей и безъ руководства христіанскихъ воспитателей?

Пунк. 10: „Учительскія должности должны быть открыты лицамъ всехъ вѣроисповѣданій“.

Т. е. я—христіанинъ православный—долженъ отдавать дѣтей въ наученіе язычнику, магометанину, еврею, хлысту, духобору и т. п. ?

Даже апостолъ любви говорить: „Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія (Христова), того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его“ (2-е Іоан., 10); апостолъ же Павелъ воспрещаетъ даже въ житейскихъ тяжбахъ „поставлять своими судьями ничего незначащихъ въ церкви“ (1-е Коринѳ. VI. 4). А намъ говорятъ, что мы даже дѣтей, съ еще неокрѣпшимъ умомъ и нѣжнымъ воспримчивымъ сердцемъ, должны посылать въ ученіе къ магометанину и хлысту!

Послушайте-ка: нѣкогда, въ Антіохіи, былъ „проконсулъ Сергій Павелъ, *мужъ разумный*“. Сей призвавъ Варнаву и Савла, пожелалъ услышать слово Божіе. А Елима волхвъ противился имъ, стараясь отвратить проконсула отъ вѣры. Но Савль, исполненный Духа Святаго и устремивъ на него взоръ, сказалъ: о, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства сынъ діавола, врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ? И нынѣ вотъ рука Господня на тебя: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени“. (Дѣян XII, 1, 7-II).

Чего же мы должны призвать отъ Господа на нынѣшнихъ Елимовъ, желающихъ „отвратить“ нашихъ *дѣтей* отъ возможности слышать „слово Божіе“ въ нашихъ школахъ—вопреки словамъ Господа, „вознегодовавшаго“, что къ Нему не допускають дѣтей: „пустите дѣтей приходитъ ко Мнѣ, и не препятствуйте

нимъ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе“ (Марк. X, 14).
Если кто незаконно пользуется религіею, какъ средствомъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, такъ съ нимъ и боритесь, а слово-то Божіе тутъ при чемъ?! Вотъ вы не къ добру пользуетесь вашимъ языкомъ, такъ неужели же его у васъ и совѣмъ вырвать?

Есть и другая сторона этого вопроса.

Ст. 40 Основн. Госуд. Закон. Рос. Имперіи гласитъ: „Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія“.

Скажите, можно ли считать первенствующимъ и господствующимъ кого-либо въ своемъ домѣ, если любой изъ прислуги, по своему личному желанію, вправѣ будетъ выбросить изъ дому самыя цѣннѣйшія и любимѣйшія вещи своего господина и вытурить самого его изъ лучшихъ комнатъ?

А что же дороже и любимѣе, что лучше для православнаго христіанина, какъ не его вѣра православная, не его православные храмы и пр.? Что же и жизнь для православнаго человѣка, что ему и родина, если у него будетъ *убита* его вѣра или хотя учрежденія, поддерживающія ее?

„Бойтесь того, кто, по убіеніи, можетъ ввергнуть въ геенну“, говоритъ Господь. А желающіе ввѣрить разнымъ инородцамъ и иновѣрцамъ воспитаніе нашихъ дѣтей,—да за одно ужъ—наполнить разнымъ іудействующимъ, магометанствующимъ, хлыстовствующимъ и т. п. элементомъ и др. государственнымъ и общественнымъ учрежденія,—чего же другого желаютъ, какъ не вверженія насъ, нашихъ дѣтей и нашей родины „въ геенну“?

Полагаемъ, однакоже, что православныхъ Россіянъ еще достаточно много, чтобы пообождать съ окончательной похороной ихъ коренныхъ правъ; и во всякомъ случаѣ, необходимо выслушать объ этомъ голосъ самой Россіи, въ лицѣ ея свободно избранныхъ представителей, прежде, чѣмъ приступить къ реализаціи

пожеланій, быть можетъ, совершенно ничтожной, по своей сравнительной численности, кучки отщепенцевъ...

Василій Абаимовъ.

Минусинскъ.

21 мая 1905 г.

3.

Экономическое положеніе приходскаго духовенства.

Почему-то съ давнихъ поръ, ушедшихъ отъ насъ въ далекую, сѣдую древность, ко временамъ былиннаго героя Алеша-Поповича, у котораго, помните, — были „руки загребушія и глаза завидущіе“, такъ съ тѣхъ еще поръ и до нашего времени лишь только духовенство начинаетъ затрогивать вопросъ о ненормальности своего экономическаго быта, какъ тотчасъ-же, точно горохъ, посыплется обвиненія и въ эгоизмъ, и въ узкой практичности, въ корысти, въ жадности къ стяжанію и т. д. „Съ живого и мертвaго деруть, а все ноютъ, все жалуются, что жить имъ нечѣмъ“, — слышaтeся откровенные огульные упреки по адресу духовенства. Откуда такая, по истинѣ вошіющая, несправедливость къ нимъ? За что эта враждебность, холодная неприязнь, злая иронія, а часто обидное, до боли мучительное презрѣніе къ духовенству, въ особенности со стороны лицъ такъ называемаго „свѣтскаго общества“? Намъ думается, что все подобное происходитъ отъ грустнаго недоразумѣнія, отъ предвзятыхъ мнѣній и завѣдомо ложныхъ сужденій о задачахъ пастырскаго служенія на приходѣ.

Въ общемъ представленіи и свѣтскаго, интеллигентнаго общества, и нашихъ темныхъ, сѣренькихъ крестьянъ-прихожанъ путь пастырскаго служенія на приходѣ рисуется съ одной своей стороны и именно—со стороны преимущественнаго служенія Богу и ближнему. Духовенство должно только возсылать Богу „славосло-

вія, прошенія и благодаренія,“ — совершать кругъ церковныхъ богослуженій, отпирать требы и, главное, по выкройкамъ изъ Евангелія современныхъ пророковъ, „любить ближняго, какъ самого себя“, — а объ остальномъ, какъ напр., о средствахъ жизни, не пещись, не радѣть, позабыть вовсе о томъ, подобно птицамъ, „иже не сѣють, не жнутъ, не собирають въ житницы“, а сыты бываютъ. Общій девизъ, рекомендуемый духовенству въ его пастьерской практикѣ, цѣликомъ выражается четырьмя словами: „все расточать — ничего не получать“. Въ примѣръ для нашего подраженія преподносятъ высокіе образы Спасителя, апостоловъ и цѣлаго сонма святыхъ подвижниковъ — «безсребренниковъ». На нихъ указываютъ, намъ говорятъ: «смотрите: вотъ, Христосъ въ своемъ пастьерскомъ служеніи; вотъ, апостолы; вотъ — святые мужи-подвижники, всѣ они отдали цѣликомъ самихъ себя на служеніе ближнему и никто изъ нихъ не требовалъ отъ ближняго ни хлѣба, ни денегъ. А вы дерете съ живого и мертваго, да еще вопиете о жалованьи. Вы — не пастьеры, вы — наемники, и, какъ таковыя, не вправѣ разсчитывать на наше уваженіе, почтеніе къ вамъ“.

Но разберемся безпристрастно, насколько справедливы наши хулители и порицатели, высказывая огульные обвиненія по адресу духовенства въ корыстолюбіи, въ притязательности, въ алчной погонѣ за паживой.

Никто изъ насъ не станетъ отрицать, что идеаль «добраго пастьера», къ которому мы должны стремиться, именно данъ въ лицѣ Спасителя, апостоловъ и св. мужей-подвижниковъ. Всякій изъ насъ хорошо сознаетъ, что глубокая, самоотверженная любовь къ ближнему должна проходить красною нитью по всему пути къ достиженію этого идеала. „Кто намъ ближній?“ — намъ, конечно, это хорошо извѣстно изъ евангельской притчи о милосердномъ самарянинѣ. И тѣмъ не менѣе въ обыкновенномъ, житейскомъ обиходѣ и у насъ, и у нашихъ порицателей общее понятіе о ближнемъ, данное Спасителемъ въ означенной притчѣ,

имѣть много дѣленій, изъ которыхъ каждое не лишено извѣстныхъ степеней сравненія. Какъ-бы человѣкъ ни былъ всецѣло проникнутъ духомъ евангельскаго ученія, какими бы святыми стремленіями не горѣлъ-бы онъ на пути къ идеалу добраго пастыря, на какой недосягаемой нравственной высотѣ ни стоялъ-бы онъ, — всегда у него между ближними найдутся ближайшіе, любовь къ которымъ отличается наибольшей интенсивностью, непосредственностью, горячностью чувства. Степень напряженности чувствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшаго желанія активной дѣятельности въ дѣлѣ служенія тому или другому ближнему, опредѣляется въ зависимости отъ многихъ причинъ. Главнѣйшія изъ нихъ: національныя, вѣроисповѣдныя и въ особенности семейныя причины. Я люблю, положимъ, французовъ, готовъ считать ихъ за братьевъ во Христѣ, готовъ послужить имъ во благо, какъ своимъ ближнимъ. Но, будучи самъ русскимъ, я больше люблю русскихъ, и если бы мнѣ предстояло дѣлать выборъ между служебной дѣятельностью во благо французовъ или русскихъ, я, безъ сомнѣнія, не задумываясь, объектомъ любовнаго служенія выбралъ-бы послѣднихъ. Во мнѣ крѣпки основы вѣротерпимости, я готовъ оказать помощь, совершить дѣло милосердія всякому ближнему, какихъ-бы онъ вѣроисповѣдныхъ ученій ни держался. Но еслибы мнѣ пришлось увидать двухъ утопающихъ — еврея и христіанина, я, безъ сомнѣнія, поспѣшу броситься спасать послѣдняго и затѣмъ уже перваго. Какъ священникъ, я проникнуть любовнымъ желаніемъ послужить на благо своимъ прихожанамъ, на спасеніе душъ ихъ, — одушевленъ сознаніемъ священной важности лежащихъ на мнѣ пастырскихъ обязанностей въ отношеніи паствы. Но, кромѣ священства, я еще — сынъ своихъ родителей, мужъ своей жены и отецъ своимъ дѣтямъ. Какъ бы сильно ни было во мнѣ желаніе посвятить себя всецѣло пастырскому служенію, этой силѣ никогда не побѣдитъ самимъ Богомъ вложенной любви къ своимъ домашнимъ, семейнымъ. Близокъ моему сердцу приходъ, но еще ближе моя семья, и заботы о женѣ, дѣтихъ, объ ихъ вре-

менномъ и вѣчномъ благополучіи всегда будутъ стоять впереди таковыхъ-же — о прихожанахъ. Не будь у меня ни жены, ни дѣтей, можетъ быть, я отдалъ-бы всего себя цѣликомъ на служеніе прихожанамъ, какъ исключительно ближнимъ. Но разъ я священникъ православной церкви и, по канонамъ таковой, еще до принятія священства, долженъ обзавестись женой, а потомъ — и дѣтьми, мои чувства не могутъ всецѣло принадлежать прихожанамъ. Чувство любви раздваивается, и большій запасъ его оказывается на сторонѣ ближайшихъ изъ ближнихъ, съ которыми я связанъ кровными узами родства.

„Взирая на Начальника вѣры и Свершителя Иисуса“ мы можемъ свидѣтельствовать, что чувство преимущественной любви къ ближайшему изъ ближнихъ — къ своему семейству, ничуть не эгоистично, не безнравственно и находитъ для себя оправданіе въ поступкахъ и дѣйствіяхъ Пастыреначальника-Спасителя. Христосъ Спаситель пришелъ на землю спасти весь міръ, объять своей любовью весь родъ человѣческой, искупить своею смертию людей всехъ временъ и національностей. И тѣмъ не менѣе, во времена земной жизни и пастырскаго служенія Господа, были лица, въ отношеніи которыхъ Онъ ясно обнаружилъ чувства преимущественной любви. Откроемъ Евангеліе и мы убѣдимся въ томъ.

Любилъ Господь нашъ всехъ людей въ непосредственныхъ отношеніяхъ ихъ съ Нимъ во время земной жизни. Но любилъ онъ еще больше тѣхъ изъ нихъ, сердца которыхъ горѣли стремленіемъ къ идеалу проповѣдуемаго Имъ ученія. «Учитель благодій! что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную?» спрашивалъ у Него нѣкто. Иисусъ сказалъ: „знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай“ и т. д. Онъ же сказалъ Ему: „Учитель, все это я сохранилъ отъ юности моей“. Иисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его, — свидѣтельствуемъ Евангелистъ (Марк. X, 17-21). Близки сердцу Господа были все люди, но еще ближе были тѣ, которые вѣровали въ Его Божественную миссію и слѣ-

довали ученію Его. О нихъ Онъ молился Отцу своему особенной пламенной молитвою, и сколько беззавѣтной любви слышится въ словахъ этой молитвы! „Азь о сихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихъ-же далъ еси Мнѣ, яко Твои суть“ (Іоанн. XVII, 9). Любовь божественнаго Учителя къ избраннымъ апостоламъ представляетъ собой затѣмъ опять таки высшую градацію сравнительно съ общей любовью ко всеѣмъ ученикамъ. Изъ двѣнадцати близкихъ къ Нему любимыхъ есть ближайшій, любимѣйшій апост.—Іоаннъ. Еще выше затѣмъ любовь Спасителя къ Матери. Заботы о Ней волнуютъ Его въ предсмертныхъ мукахъ. Со креста Онъ поручаетъ Ее внимательной заботливости своего любимца Іоанна: „Жено, се сынъ Твой!“ — и обратившись къ нему: „се мати твоя!“ Прослѣдите жизнь и дѣятельность апостольскую и тутъ увидите не мало примѣровъ преимущественной любви къ ближайшимъ изъ ближнихъ. Раскройте „Житія святыхъ“ и тутъ на каждой страницѣ найдете доказательства того-же.

Враги духовенства, его хулители и порицатели требуютъ отъ насъ одного только служенія Богу и ближнему и завѣдомо не хотятъ ничего знать о привходящей въ область пастырской практики, во всякомъ случаѣ не менѣе другихъ священной, обязанности — служенія ближайшимъ. Одни съ умысломъ, другіе безъ умысла, по недоразумѣнію и недомыслию, игнорируютъ семейныя чувства у духовенства; забываютъ, что у каждаго изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому сословію, есть жена и дѣти, заботы о которыхъ требуютъ къ себѣ любовной внимательности ничѣмъ не меньше, чѣмъ заботы о паствѣ, о прихожанахъ. И если духовенство иногда возвышаетъ свой голосъ, требуетъ упорядоченія своего экономическаго быта, то побуждается къ тому не эгоистическими, узко практическими принципами, а единственно — желаніемъ выйти изъ подъ гнета постоянныхъ, ежедневныхъ заботъ о матеріальномъ благополучіи своихъ семействъ и получить черезъ то большую свободу для благотворнаго пастырскаго служенія въ

приходѣ. И до тѣхъ поръ, пока духовенство будетъ предоставлено самому себѣ въ своихъ заботахъ о содержаніи себя и своихъ семействъ, пока общество и государство не придуть на помощь и не снимутъ съ него тяжелаго ярма этихъ заботъ, — до тѣхъ поръ самое искреннее желаніе достойно и праведно исполнить свой долгъ на поприщѣ пастырскаго служенія будетъ парализоваться этими заботами, — до тѣхъ поръ принятый порядокъ обезпеченія духовенства, износившійся, обветшавшій и ничуть не отвѣчающій условіямъ современной жизни, — этотъ порядокъ будетъ наносить неисцѣлимья язвы пастырскому авторитету, — до тѣхъ поръ и общество, и приходъ будутъ въ правѣ считать насъ грабителями мертвыхъ и живыхъ, приобретающими средства жизни путемъ продажи благодатныхъ таинствъ за деньги, ковриги, мѣрки и пр.

Достаточно бѣлаго взгляда на современное и истинное экономическое положеніе приходскаго духовенства, чтобы убѣдиться въ его полной ненормальности, нравственно-угнетающей низкопробности, въ прямомъ несоотвѣтствіи и противорѣчій съ священнымъ достоинствомъ обязанностей, лежащихъ на лицахъ духовнаго сана.

(Орл. Епар. Вѣд.)

4.

Къ русскимъ людямъ.

Голосъ Русской народной интеллигенціи.

Окидывая взоромъ тысячелѣтнюю исторію Россіи и пристально всматриваясь въ современное положеніе Церкви, въ дѣйствія правительства и въ условія жизни народной, мы видимъ, что коренныя русскія начала, на которыхъ возросъ и воспитался Русскій народъ, не только не находятъ себѣ полнаго, свѣтлаго проявленія въ жизни, но все болѣе и болѣе меркнутъ въ сознаніи Русскихъ людей. Образованные классы, теряя вѣру въ жизненную правду историческихъ русскихъ основъ, обращаются къ инымъ на-

чаламъ, а многострадаальный Русскій народъ, терзаясь несоотвѣтствіемъ своихъ идеаловъ и дѣйствительности, начинаетъ терять свое долготерпѣніе. Въ общемъ же получается такое паденіе національнаго духа и потеря чувства гражданскаго, что во всѣхъ классахъ населенія начинаютъ обнаруживаться признаки сознанія себя не гражданами своей страны, а какъ бы народомъ, подчиненнымъ какой-то чуждой ему силѣ, заслонившей собою источникъ истинной Власти. И дѣйствительно, всевластіе и произволь бюрократіи, созданной оторванною отъ историческихъ русскихъ началъ интеллигенціею, не только ослабляютъ нравственную связь между Царемъ и народомъ, но, проникая во всѣ сферы жизни и насильственно подавляя свободу духа и свободу личной и общественной дѣятельности, тѣмъ самымъ подрываютъ чувство законности, производятъ смятеніе въ умахъ и совѣсти народной, поражаютъ всеобщее недовольство и способствуютъ постепенной дезорганизациіи страны.

Единственный выходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, по нашему глубочайшему убѣжденію, состоитъ въ возсозданіи, на основаніи *реальныхъ* силъ страны, внутренняго устройства Россіи путемъ проведенія въ жизнь такихъ мѣръ, которыя, давая свободу жизни и свободу духа странѣ, подняли бы дѣятельность всѣхъ національныхъ силъ нашего отечества. Но для этого требуется прежде всего ясное сознаніе общаго плана устройства Россіи, который можетъ быть выведенъ лишь изъ началъ, кроющихся въ самыхъ внутреннихъ глубинахъ психологіи и исторіи русскаго народа, и установленіи одной общей ясной руководящей идеи, которая, отвѣчая міровоззрѣнію народа, его религіознымъ, соціальнымъ и политическимъ идеаламъ, могла бы стать объединяющимъ знаменемъ для всѣхъ лучшихъ Русскихъ людей, любящихъ свое отечество и желающихъ ему истиннаго блага.

Основываясь на историческихъ русскихъ началахъ и проникаясь міровоззрѣніемъ народа, его религіозными, соціальными и политическими идеалами, мы не можемъ не возвысить голоса, ког-

да среди современнаго разброда умовъ—съ одной стороны раздаются голоса „охранителей“, полагающихъ все спасеніе Россіи въ устрашеніяхъ и подавленіи механическими средствами духа, мысли, слова и самосознанія народа, а съ другой—слышится громкій голосъ конституціоналистовъ, видящихъ въ ограниченіи власти Царя единственное средство для уничтоженія всѣхъ нашихъ бѣдъ и золь и единственную гарантію для обезпеченія правового порядка въ странѣ,—не можемъ не возвысить голоса, чтобы передъ лицомъ всей Россіи не повѣдать наши завѣтныя вѣрованія и глубочайшія убѣжденія.

Наша вѣра, наши убѣжденія, наше разумѣніе русской дѣйствительности свидѣтельствуютъ намъ, что задача настоящаго времени состоитъ не въ превращеніи Самодержавія въ абсолютизмъ, деспотизмъ или тираннію, какъ то проповѣдуютъ апостолы насилія, не состоитъ она также въ ограниченіи Самодержавія, какъ того требуютъ потерявшіе вѣру въ народныя идеалы конституціоналисты, которымъ—въ обольщеніи „свободами“ и въ забвеніи истинныхъ нуждъ народныхъ—хоромъ вторитъ даже безкорыстнѣйшая часть нашей молодежи,—нѣтъ, истинная задача нашего времени состоитъ въ полнотѣ и чистотѣ проявленія Самодержавной Царской Власти, ибо только она *одна*, руководствуясь высшей правдой и основываясь на свободно выраженныхъ истинныхъ желаніяхъ и потребностяхъ народныхъ, *способна со всею полнотою разрѣшить все запросы русской жизни и духа.*

Мы глубоко убѣждены, что Русскій народъ, видящій въ православномъ Царѣ носителя правды и воли Божіей о народѣ своемъ и живое олицетвореніе идеи своего политическаго бытія, ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ограниченія Верховной Власти Царя и не потерпитъ надъ собою господства не только буржуазной олигархіи, но и той части „просвѣщенныхъ“ классовъ, интересы и воззрѣнія которыхъ въ сущности своей ничего не имѣютъ общаго ни съ его міровоззрѣніемъ, ни съ его идеалами, ни съ его религіозными вѣрованіями.

Мы вѣримъ, что духовно-нравственныя нестроения нашего времени, находящіяся въ тѣсной связи съ закрѣпощеннымъ положеніемъ Церкви православной, могутъ быть устранены путемъ освобожденія Церкви изъ подчиненія свѣтской власти и возстановленія правильнаго церковнаго устройства, которое, съ одной стороны, образуетъ живую нравственную связь между церковной іерархіей и православнымъ народомъ, а съ другой стороны, даетъ Верховной Власти возможность непосредственнаго общенія съ церковною властью въ лицѣ ея соборовъ и патріарховъ.

Мы твердо убѣждены, что только *въ единодушій и непосредственномъ общеніи Царя со свободной Церковью и свободнымъ народомъ* въ лицѣ земскихъ соборовъ или государственной думы, состоящей изъ избранныхъ народомъ *подлинныхъ* его представителей, — заключается дѣйствительное спасеніе Россіи отъ всѣхъ неустойствъ, хищеній и неправдъ, а отнюдь не въ замѣнѣ системы бюрократической олигархіи родственною ей въ своемъ существѣ системой конституціонной. Парламентаризмъ, вырывая изъ рукъ бюрократіи фактическую власть и юридически ограничивая Царское Самодержавіе, лишь отдалъ бы Русскій народъ „на законномъ основаніи“ во власть сильнымъ и богатымъ классамъ, которые могли бы только насиліемъ держать его въ рабствѣ себѣ ради постоянныхъ его протестовъ, возмущеній и междоусобій, пока, наконецъ, онъ не смель бы съ лица земли Русской своихъ поработителей.

Мы крѣпко вѣримъ, что только Самодержавною Властью Царя можетъ быть осуществлена вся та полнота свободы и обезпеченіе правъ человѣка, которыя необходимы для развитія и проявленія его духовныхъ и творческихъ силъ. Свобода мысли, совѣсти, вѣроисповѣданія, мнѣнія и сомнѣнія, устнаго и печатнаго слова, собраній и союзовъ. — не только не противорѣчитъ идее Самодержавной Власти Царя, но даже необходимы для постояннаго освѣдомленія Верховной Власти о состоянціи ума и совѣсти и подлинныхъ нуждахъ, мнѣніяхъ и желаніяхъ народныхъ. Господ-

ство законности, независимость суда, расширение гражданских правъ, неприкосновенность личности и домашняго очага, отвѣтственность должностныхъ лицъ — до министровъ включительно — и вообще — устойчивость всѣхъ нормъ государственной и общественной жизни — могутъ быть несравненно прочнѣе обеспечены при Царскомъ Самодержавіи, въ его единеніи и непосредственномъ общеніи съ свободнымъ народомъ, чѣмъ при фиктивномъ „народномъ самодержавіи“, на которомъ воздвигнута парламентарная идея, неспособная охранить слабого отъ сильнаго, законность отъ порабощенія господствующимъ классамъ и политиканствующимъ инородцамъ.

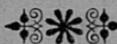
Мы также крѣпко увѣрены, что самое широкое развитіе самоуправленія — отъ мелкой земской единицы до участія въ законодательствѣ народныхъ „совѣтныхъ людей“ Земскаго Собора — не только совмѣстимо съ Самодержавной Властью Царя, но и является неотъемлемою принадлежностью самодержавія, ибо только при свободномъ, открытомъ и широкомъ проявленіи самосознанія и самодѣятельности народа Верховная Власть можетъ все знать и видѣть, все слышать и все направлять къ разрѣшенію во благо народа даже такихъ, стоящихъ на первой очереди вопросовъ, какъ *аграрный* и *рабочій*, возможно только, — подобно уничтоженію крѣпостнаго права, — при неограниченной Царской Власти, являющейся носительницей идеаловъ Русскаго народа, чистымъ выраженіемъ высшей справедливости, высшаго блюденія за тѣмъ, чтобы въ государственной жизни націи не нарушался не только законъ человѣческій, но все болѣе и болѣе осуществлялись требованія Правды Божественной.

Мы сердцемъ знаемъ, что въ душѣ Русскаго народа, какъ и въ одномъ другомъ народѣ, таится духъ Христовъ, порождая

ющій идеаль святости, стремленіе жить „по Божьи“, желаніе согласовать внутреннюю истину съ дѣйствительностью и жажду спасенія веѣмъ міромъ,—въ исполненіи веѣхъ этихъ чаяній и упованій и состоитъ историческая миссія Русскаго народа.

Кружокъ Русскихъ людей.

(Екатеринб. Епарх. Вѣд.)

Редакторъ А. Касаткинъ.

Печатать разрѣшается. Цензоръ Рект. Дух. Сем., прот. Н. Асташевскій.

Тип. Жилина, въ Красноярскѣ.